
Н. Ф. РАХМАНКУЛОВА

**О ПРАВЕ НА СЧАСТЬЕ.
ИДЕИ АРИСТОТЕЛЯ
ДЛЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ**

Историко-философское исследование концепции счастья, берущей начало в философии Аристотеля, позволяет показать, что продвижение в теоретическом и практическом признании права человека на стремление к счастью является существенной характеристикой гуманизации общественной жизни. Автор предлагает понимание гуманизации как процесса реализации в истории метапринципов гуманности, справедливости и социальной свободы в их единстве. Сообразующиеся с ними отношения и поведение суть важнейшие факторы счастья. Сейчас, в условиях становления общества знания и возрастания глобальных рисков, мировое сообщество находит новые возможности гуманизации жизни на планете. Программа устойчивого развития впервые в истории предусматривает выдвигание счастья как общей цели и целостного критерия прогресса наций. Проводимые с 2012 г. в рамках этой программы глобальные междисциплинарные исследования (с ежегодной публикацией результатов во «Всемирных докладах о счастье») опираются на понимание счастья, восходящее к Аристотелю, подтверждая силу этих идей и давая богатый материал для их дальнейшей разработки.

Ключевые слова: философия Аристотеля, концепция счастья, гуманизация, право на стремление к счастью, цель и критерий прогресса, глобализация, общество знания.

The historical and philosophical study of the concept of happiness, which originates in the philosophy of Aristotle, allows us to show that advancing in the theoretical and practical recognition of the human right to pursue of happiness is the essential characteristic of the humanization of public life. The author offers an interpretation of humanization as a process of historical realizing of meta-principles of humanity, justice and social freedom in their unity. Relations and behavior formed with them are the most important factors of happiness. Today with the emergence of knowledge society and increasing global risks, the world community searches for new opportunities for humaniz-

ing life on the planet. The sustainable development program for the first time in history supports the promotion of happiness as a general goal and a holistic criterion for the nations' progress. The global interdisciplinary research carried out since 2012, with the annual publication of the results in the 'World Happiness Reports', draws on the concept of happiness that goes back to Aristotle, both confirming the power of these ideas and giving rich material for their further development.

Keywords: *Aristotle's philosophy, the concept of happiness, humanization, the right to pursue happiness, goal and criterion of progress, globalization, the society of knowledge.*

В 70-х гг. XX в. в небольшом и небогатом азиатском королевстве Бутан, где официальной религией является одно из направлений тибетского буддизма, власти взяли курс на выдвижение счастья как главной общественной ценности и цели государственной политики. В статье 9 Конституции Бутана, принятой в 2008 г., провозглашается, что принципы государственной политики выражают стремление государства к обеспечению хорошего качества жизни людей и созданию условий, благоприятствующих росту валового национального счастья – Gross National Happiness. Поэтому за интегративный показатель достижений государства и общества принимается не уровень валового национального продукта (ВВП), а уровень валового национального счастья (ВНС, GNH) [The Constitution... 2008].

Совершившееся в Королевстве Бутан государственное, конституционно закрепленное признание счастья высшей общественной ценностью, целью и основным индикатором развития социума не было воспринято в мировом сообществе как курьез, порожденный своеобразием истории, религии и геополитического положения маленькой аграрной страны. Более того, оно было воспринято в ООН как важное начинание, заслуживающее поддержки и развертывания в глобальном масштабе. 19 июля 2011 г. по инициативе Бутана Генассамблея ООН приняла резолюцию «Счастье: целостный подход к развитию». В резолюции отмечалось, что «стремление к счастью является одной из основных целей человечества», счастье «олицетворяет всю совокупность целей в области развития», и «такой показатель, как валовой внутренний продукт, по своему характеру не может достоверно свидетельствовать о счастье и благопо-

лучии народа той или иной страны, и не создан для этого». На этом основании Генеральная Ассамблея предложила «государствам-членам продолжать их усилия по разработке дополнительных мер, в которых полнее учитывается важность стремления к счастью и благополучию в контексте развития, в целях ориентации их государственной политики» [Счастье... 2011]. С 2011 г. под эгидой ООН начали проводиться глобальные междисциплинарные исследования благополучия и счастья в мире, в 2012 г. был выпущен первый «Всемирный доклад о счастье» (World Happiness Report). С 2013 г. такие доклады в виде международных обзоров, охватывающих данные по большинству стран мира, ежегодно готовятся большой группой экспертов и публикуются подразделением ООН «Сеть решений устойчивого развития» (UN Sustainable Development Solutions Network). В докладе 2017 г. говорится, что с 2012 г. пройден большой путь: «Растет понимание счастья как истинной меры социального прогресса и цели публичной политики». При этом авторы доклада приводят слова главы Программы развития ООН о том, что надо противостоять «тирании ВВП» и уделять больше внимания счастью, и это «должно стать частью наших усилий по достижению целей гуманного и устойчивого развития» [Helliwell *et al.* 2017: 3].

В целом, возвращаясь к инициативе Бутана, можно утверждать, что энтузиазм, с которым она была принята, объясняется ее соответствием нынешним перспективным задачам гуманизации общественно-политической жизни.

Поскольку в данной статье в центре внимания находится рассмотрение счастья как цели и критерия общественного развития, а воплощение в жизнь такого отношения к счастью понимается как идущее в русле процесса гуманизации, надо предварительно пояснить, что здесь имеется в виду, когда речь идет о гуманизации и счастье.

Под *гуманизацией* я понимаю историческую тенденцию, развивающуюся в направлении все более полного идейного и практического признания достоинства каждого человека и его права на благополучную, счастливую жизнь в качестве приоритетной ценности как для личности, так и для сообщества людей. Полагаю, что наиболее общими принципами процесса гуманизации – его цен-

ностными ориентирами и императивами, взаимосвязанными, но не сводящимися друг к другу, служат идеи справедливости, гуманности и социальной свободы.

Справедливость в самом общем виде есть принцип установления и соблюдения адекватной, общезначимой ценностной меры в сознании и поведении человека, учета отношений равенства и неравенства взаимодействующих сторон, гармонизации их интересов. Гуманность есть принцип признания самоценности каждого человеческого существа, требующий непричинения ему вреда и содействия его благу. Справедливость и гуманность – универсальные нормативно-ценностные ориентиры, они имплицитно и нераздельно содержатся в золотом правиле нравственности, предъявляющем в культурах цивилизованных народов идеал человеческих отношений. Эти же принципы представлены в категорическом императиве Канта, с упором на справедливость – в более формальном варианте: «Поступай так, чтобы максима твоего поступка могла бы стать всеобщим законом» [Кант 1995: 421], с упором на гуманность – в содержательном варианте: «...*поступай так, чтобы ты относился всегда к человечеству в своем лице и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [Там же: 90]. Требование, обозначенное мной как «принцип социальной свободы» (свобода в целом – понятие гораздо более широкое и сложное), предписывает признавать право человека совершать все то, что не вредит другим людям, не нарушает их права. Социальная свобода предполагает соблюдение со стороны других людей, сообществ и политических институтов равного права каждого на личную мировоззренческую и поведенческую автономию, в том числе – право на инаковость в мыслях и поступках.

Тенденция к гуманизации, которая прослеживается в европейской культуре начиная со времен расцвета классического греческого полиса, со второй половины прошлого века интенсивно наращивает свое воздействие на установление целей общественного развития в мире и критериев определения его уровня для различных стран и регионов. В XXI в., в условиях современного этапа глобализации и становления социума нового типа – общества знания, возможности гуманизации существенно возрастают. Собственно, об этом же свидетельствует выдвижение институтами, представ-

ляющими мировое сообщество, счастья в ряд приоритетных программных целей глобального развития.

Документ «К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО» (2005 г.) содержит в себе осмысление глобальных трансформаций современного социума, переживающего информационную революцию. В докладе представлены идеи многих известных исследователей современности, среди которых П. Рикёр, Ж. Деррида, С. Л. Капица, Дж. Ваттимо, Ю. П. Афанасьев, Ю. Кристева, А. Турен, Б. Латур, М. Кастельс. Его авторы, учитывая опыт катастроф прошлого века и глобальных рисков века нынешнего, выявляют перспективы общества, базирующегося на знании. Они полагают, что создание его открывает путь к гуманизации глобализации. «Лежащий в основе общества знания подход ориентирован на “развитие человечества” и “расширение прав и возможностей” и призван обеспечить более эффективное осуществление общепризнанных прав и основных свобод, повышая при этом эффективность борьбы с бедностью и эффективность политики развития» [К обществам... 2005: 29]. Они усматривают в нем значительный потенциал, который совместными усилиями, шаг за шагом можно реализовать, способствуя быстрому расширению общественного «пространства знания» в целях роста благополучия людей на планете. Такое пространство – живое наследие эпохи Просвещения, содействующее распространению «идей универсальности, свободы и равенства» [Там же: 19]. Дальняя цель – создать «всемирное общество знания, которое стало бы источником развития всех» [Там же: 26].

В понимании *счастья* мне представляется наиболее взвешенной та линия его трактовки, которая идет от Аристотеля, через Дж. Локка, французских (Д. Дидро, А. Гольбах), американских (Б. Франклин, Т. Джефферсон) просветителей и И. Канта до наших дней, в значительной степени определяя параметры, учитываемые сейчас в глобальных сопоставительных исследованиях уровня счастья. В рамках этой трактовки счастье предстает в самых общих чертах как оптимальное в целом состояние (или оптимальная целостная характеристика) жизни и человека, ее ведущего. Счастливая жизнь та, в которой человек самореализуется, находит смысл и достигает своих главных целей в стремлении к благу, доволен ее общей направленностью, тем, как он ею руководит и приближает

к идеалу. В межличностном и социально-политическом отношении ценность счастья проявляется в признании со стороны других людей и общественных институтов его жизненно важного значения, а также в поддержке ими права личности на стремление к счастью.

Поскольку основы такого подхода к пониманию счастья заложены Аристотелем, целесообразно провести рассмотрение существенных для нашего исследования идей философа, обращая внимание на соотношение счастья, справедливости, гуманности, свободы.

Согласно Аристотелю, счастье (эвдемония) есть состояние жизни человека, приносящее ему удовлетворение и удовольствие от того, что он приближается к своему совершенству, исполняет свое назначение (энтелехию). А назначение человека – разумная свободная деятельность в соответствии с наилучшими качествами души индивида (добродетелями) и в обществе других людей. Счастье, полагает автор «Никомаховой этики», – награда и цель добродетели, «наивысшее благо и нечто божественное и блаженное» [Аристотель 1984: 68].

На понимании счастливой жизни как деятельности, направленной к исполнению человеком своего космического предназначения и потому радующей его, основан оптимизм Аристотеля. Счастье – не только достижение совершенства, но и сам путь совершенствования. Это – «бытие к счастью», согласно выражению Р. С. Платонова-Полякова, в работе которого достаточно убедительно показывается, что для Аристотеля подлинное счастье есть развитие человека, чья природа «должна быть раскрыта во всей своей полноте, в каждом своем аспекте (индивидуального и общественного, умственного и физического)» [Платонов-Поляков 2015: 87].

Счастье многосоставно, его компоненты – блага – делятся на внутренние и внешние. Внутренние блага составляют основу, ядро счастья, внешние суть нужные для счастья обстоятельства, благоприятствующие реализации внутренних благ.

Внутренние – блага души, «блага в собственном смысле слова и по преимуществу» [Аристотель 1984: 66] – добродетели, то есть лучшие качества человеческой души, развивающиеся и осуществляющиеся в деятельности. Аристотель различает добродетели интеллектуальные (дианоэтические) и нравственные (этические).

К первым относятся мудрость, сообразительность, рассудительность, ко вторым – справедливость, дружелюбие, благоразумие, мужество, скромность, щедрость, правдивость, величавость и т. д. Блага души находятся в сфере максимальной личной свободы и ответственности, определяясь нашей волей и сознательным выбором, ведь «добродетель, так же как и порочность, зависит от нас» [Аристотель 1984: 105]. Только добродетельная жизнь может быть счастливой: «...Человеческое благо представляет собой деятельность души сообразно добродетели, а если добродетелей несколько – то сообразно наилучшей и наиболее полной [и совершенной]. Добавим к этому: за полную [человеческую жизнь]. Ведь одна ласточка не делает весны и один [теплый] день тоже; точно так же ни за один день, ни за краткое время не делаются блаженными и счастливыми» [Там же: 64–65].

Внешние блага (в широком смысле) можно разделить на три подгруппы. Обозначим их следующим образом: 1) блага телесные – здоровье, крепость и красота тела; 2) блага общественные (внешние в узком смысле) – хорошие друзья, семья, полис, социальное положение, почести, имущество; 3) «дарованные свыше» блага – благосклонность богов и судьбы. Внешние блага находятся в разной степени зависимости от внутренних. Добродетели, реализуясь в различных сферах деятельности, способствуют наращиванию телесных и общественных благ. По словам Аристотеля, «внешние блага приобретаются и охраняются добродетелями» [Там же: 589]. Меньше всего добродетельный человек может повлиять на волю богов и судьбу, пример тому – печальная участь, постигшая в конце жизни царя Приама. Правда, и здесь, как замечает А. А. Гусейнов, различается воздействие чистой случайности и заслуженного воздаяния, когда счастливая удача будет божественным ответом на добродетельное поведение, поскольку она сопряжена «с сознательным выбором, добродетельным поведением, в каком-то смысле зависит от самого индивида» [Гусейнов 2005: 404].

О том, насколько необходимыми для счастья считает Аристотель внешние блага, исследователи спорят до сих пор [Санжеников 2016]. Однако в целом за рассуждениями Аристотеля стоит, на мой взгляд, его понимание того, что компонентами счастья внешние

блага становятся только тогда, когда они являются благоприятными факторами формирования и осуществления добродетелей, то есть внутренних благ, образующих сердцевину счастья.

Отношения справедливости (правосудности) и особенно дружбы соединяют в себе внутренние и внешние блага, они воплощают этические добродетели и высшие виды человеческих отношений.

Аристотель создает продуманную и плодотворную концепцию справедливости. Это добродетель, а также вид и принцип отношений между людьми. Он различает общую и частную справедливость. Общая справедливость – законосообразность, призванная поддерживать целостность социума как единство в разнообразии, то есть направлять к общественной гармонии. Частная справедливость – распределение прав, обязанностей, благ и тягот, наград и наказаний: поровну в том, в чем люди равны, а в том, в чем они не равны, – пропорционально вкладу или ущербу, производимому людьми. Справедливость – важнейшая добродетель правителя. Вместе с тем она присуща всем достойным гражданам, потому что они тоже поддерживают общественную гармонию и участвуют в управлении. Согласно Аристотелю, справедливость есть добродетель, существующая в отношении к другому.

Однако у философа можно найти характеристики справедливости, свидетельствующие о возможности направления мысли к более универсальному пониманию справедливости, включающему и отношение к себе. В «Большой этике» он пишет: «Ведь если справедливое – это то, что велит делать закон, а закон приказывает исполнять все добродетели, то поступающий справедливо в соответствии с требованиями закона достигнет совершенного достоинства, так что справедливый и справедливость – это некая совершенная добродетель» [Аристотель 1984: 324]. Аристотель замечает, что «при таком понимании справедливого возможно быть справедливым самому с собой» [Там же]. Это уже полная, совершенная добродетель, своего рода добродетель добродетелей.

В развитии данного хода мысли просматривается движение в сторону трактовки справедливости, которая мне представляется наиболее общей, а именно – как добродетели и принципа адекватной ценностной меры, не только определяемой, но и применяемой. Такую справедливость можно назвать универсальной, чтобы отли-

чать ее от общей и частной, которые универсальная охватывает. Критерий универсальной справедливости приложим ко всякой деятельности: а) внутриспсихической и внешнеповеденческой; б) направленной на себя и/или на других; в) нравственной, правовой, политической, научно-исследовательской, эстетической, религиозной и т. д. – в той степени, в какой необходимо учитывать ее ценностные параметры. Универсальная справедливость – метадобродетель и метапринцип. Она содержит императив установления и поддержания адекватной ценностной меры, соблюдения ее в процессе оценивания и в поведении. Универсальная справедливость – фактор счастья, потому что счастье невозможно без выверенного в ценностном отношении определения целей и средств благополучной жизни. Выявление содержания счастья, как и реализация стремления к нему, происходит посредством ценностного выбора. Чем он точнее, тем лучше для счастья. В этой точности – смысл универсальной справедливости, направляющей к установлению и соблюдению адекватной ценностной меры.

Добродетель дружественности и дружба как вид и принцип добродетельных отношений, как можно заключить из этических текстов Аристотеля, стоят по значимости в одном ряду со справедливостью и тесно связаны с нею. Дружелюбие – ценное человеческое качество: «...недаром мы хвалим человеколюбивых» [Аристотель 1984: 219]. Дружба необходима для жизни, она приносит удовольствие. Друзья – самое важное из внешних благ, поэтому «у счастливого есть нужда в друзьях» [Там же: 259]. Дружба между добродетельными людьми есть общение, основанное на желании блага и делании блага друг другу ради другого, желании действовать «во имя самого друга, чтобы тот существовал и жил» [Там же: 249].

Дружба – это еще и добродетельное отношение к себе. Как добродетельный человек относится к себе, так и к другу. Другом «бывают в первую очередь самому себе и к себе самому в первую очередь следует питать дружескую приязнь» [Там же: 256]. «Себялюб» в высшем смысле – тот, кто ради отечества и друзей готов лишиться имущества, должностей и даже жизни, но выбирает для себя большее благо – «всеми предпочитает нравственную красоту» [Там же: 258–259]. Таким образом, Аристотелево понимание друж-

бы имеет потенциал развития в направлении гуманности – универсального ценностного принципа, направленного на поддержание личного достоинства человека и целей его блага. Гуманность наряду со справедливостью может рассматриваться как метадобродетель и метапринцип.

Поскольку человек есть существо общественное, «полисное», то его назначение реализуется в полисе (πόλις, в русских переводах сочинений Аристотеля передается словом «государство») – гражданской общине, образующей город-государство. Само государство, пишет он в «Политике», существует «ради достижения благой жизни» [Аристотель 1984: 378]. Правители должны заботиться об укреплении справедливости, а еще больше – дружбы в отношениях между согражданами: дружественность «скрепляет и государства, и законодатели усердней заботятся о дружественности, чем о правосудности» [Там же: 219]. Хорошее государство должно быть устроено справедливо (правосудно), чтобы между гражданами преобладали отношения дружбы, тогда они смогут жить счастливее. «Ведь ясно, что пользующиеся наилучшим государственным строем должны под влиянием окружающей обстановки и жить наиболее счастливо, если этому не препятствуют какие-либо неожиданные случайности» [Там же: 588]. Итак, правление должно отвечать естественным стремлениям граждан к справедливости, человечности и счастью.

Счастье не единообразно, поскольку создается свободно, в индивидуальном жизнетворчестве. Основа счастья – добродетели, а они складываются в результате воспитания и самовоспитания. Для этого индивид должен определить, какие качества его души могут стать лучшими и сознательно развивать те добродетели, к которым он преимущественно склонен. Он сам совершает ценностный выбор и несет ответственность за свою добродетельность или порочность. «А если в нашей власти совершать, точно так же как и не совершать, прекрасные и постыдные поступки [и если поступать так или иначе], значит, как мы видели, быть добродетельными или порочными, то от нас зависит, быть нам добрыми или дурными» [Там же: 105]. Склонности, возможности, роды занятий и внешние условия (общественные, природные и пр.) людей различны. Каждый человек выбирает свою линию поведения и по-

ступки сам, осуществляет свое назначение по-своему. Объединяет всех свободных людей способность реализовать при этом общую природу – быть существами разумно-словесными («логосными»), общественно-политическими («полисными») и нравственными («этически добродетельными»). Счастье и есть такое самоосуществление вместе с другими людьми, приносящее радость жизненного творчества, направленного к совершенству.

Ввиду внутренней сопряженности идей счастья и свободы, а также плодотворности, для дальнейшего развития мысли, понимания этой связи, целесообразно рассмотреть ее несколько подробнее. А. А. Столяров, высоко оценивая вклад Аристотеля в исследования «метафизики» свободы, отмечает следующие важнейшие его достижения в этой сфере: «Таковы теория самоопределения разума, объясняющая специфику его активности в разных сферах; понятие о волевом стремлении, отличном как от разума, так и от чистых аффектов; признание, что решения и действия человека не детерминированы одним лишь знанием, и, как следствие, отказ от фундаментального тезиса Платона о совпадении знания и добродетели» [Столяров 1999: 42]. Идею самоопределения субъекта и понятие о том, «что от нас зависит», А. А. Столяров с достаточным, как мне видится, основанием считает главными и очень продуктивными достижениями Аристотеля в исследовании свободы. Полагаю, что именно в решении задачи жизненного самоопределения человека по направлению к благу счастье совпадает со свободой, поскольку она состоит в том, что нужно для счастья, – в возможности и способности строить свою жизнь по-своему, делая сознательный выбор целей и средств и соотносясь со своими добродетелями.

Согласно Аристотелю, два образа жизни являются добродетельными – практический, а именно общественно-политический, и теоретический – философский. Теоретический – выше, он самодостаточен, больше зависит от самого человека, его душевных качеств, чем от внешних обстоятельств. Чисто созерцательная жизнь – скорее удел божественный, а не человеческий, «ибо так он будет жить не в силу того, что он человек, а потому, что в нем присутствует нечто божественное». «И если ум в сравнении с человеком божествен, то и жизнь, подчиненная уму, божественна в срав-

нении с человеческой жизнью» [Аристотель 1984: 283]. Человеку, утверждает Аристотель, нельзя отказываться от божественного в себе: «...насколько возможно, надо возвышаться до бессмертия (athana-tidzein) и делать все ради жизни (pros to dzēn), соответствующей наивысшему в самом себе; право, если по объему это малая часть, то по силе и ценности она все далеко превосходит» [Там же]. Философ утверждает, «что по природе присуще каждому, то для каждого наивысшее и доставляет наивысшее удовольствие; а значит, человеку присуща жизнь, подчиненная уму, коль скоро человек и есть в первую очередь ум». И заключает: «Следовательно, эта жизнь самая счастливая» [Там же].

Философствуя, человек осуществляет свое высшее назначение – быть разумным существом, наслаждается удовольствием мыслить. В этом он наиболее счастлив и наиболее свободен. Аристотель на страницах «Метафизики» раскрывает, как в философской деятельности соединяются счастье и свобода. Философия включает в себя мудрость, которая есть наука, исследующая первые начала и причины. Эта наука главенствует над другими: она «познает цель, ради которой надлежит действовать в каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще – наилучшее» [Его же 1975: 68–69]. Цель и благо есть «один из видов причин». Мудрость превосходит другие науки и искусства еще и тем, что способна к постижению сверхчувственного – а это наиболее трудное в познании – и, что очень важно, способна научить выявлению причин. Мудрость – наука самая совершенная, она о том, что наиболее достойно познания, – о божественном, и ею, скорее всего, «мог бы обладать бог». «Бог, по общему мнению, принадлежит к причинам и есть некое начало, и такая наука могла бы быть или только или больше всего у бога. Таким образом, все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше – нет ни одной» [Там же: 70]. Поэтому философия привлекает тех, кто стремится к знанию ради знания. Она самоценна и свободна: «И так же как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя» [Там же: 68]. Итак, счастье философ-

ского образа жизни – самого высокого уровня, оно присуще человеку, достигающему наивысшей степени свободы.

Большинству добродетельных людей более доступно счастье практического образа жизни. Отмечу также, что в этом же известном рассуждении (из второй главы первой книги «Метафизики») о природе и достоинствах «науки мудрости» Аристотель проводит мысль, указывающую на уникальный воспитательный и образовательный потенциал философии. Только она может научить всех, кто способен к этому, последовательному выявлению причин и начал, доходящему до самых первых. Мудрому «надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему – тот, кто менее мудр» [Аристотель 1975: 68].

Философия содействует счастью двояко. Во-первых, само занятие ею дает самое чистое, возвышенное счастье. Во-вторых, философия в ее практической части, особенно в этическом учении, дает осмысление счастья, тем самым помогая всем причастным ей людям, а не только философам, сознательно направлять себя к счастью. В «Евдемовой этике» Аристотель утверждает: «Теоретическое рассмотрение удовольствия и страдания – дело философа, рассуждающего о политике, ибо он созидатель той высшей цели, взирая на которую мы каждый раз говорим о “благее” или “злее” просто, самих по себе» [Его же 2005: 217]. Отмечу, что Аристотель, полагая, что свобода необходима для счастья, различает уровни счастья в соответствии со степенью свободы человеческой деятельности: чем свободнее человек, тем более высокого уровня счастья он способен достигнуть.

В учении древнегреческого философа социальная свобода есть часть свободы как таковой. А. А. Столяров вполне правомерно отмечает, что «метафизический» аспект свободы у Аристотеля неотделим от социально-политического, поскольку античный мыслитель уделяет большое внимание «условиям вменения конкретного поступка *свободному* гражданину» [Столяров 1999: 42]. И надо сказать, ценность свободы гражданина для Аристотеля прямо связана с ценностью счастья. Хорошее правление то, которое опирается на согласие, достигаемое через свободное общение и волеизъявление граждан, иначе они не смогут быть вполне счастливыми. В статье, посвященной Аристотелевой концепции свободы, амери-

канский философ Родерик Лонг, знаток древнегреческой философии, проводит мысль о том, что свобода граждан, согласно Аристотелю, есть необходимое (хотя и недостаточное) условие достижения полисом целей высшего блага. Не быть управляемыми против своей воли есть составная благополучия людей. «Человек, которого благонамеренные правители тащат, пинками и окриками, к его же благу, определенно не взаимодействует с другими людьми на основе сознательно принятой кооперации; жизнь такого человека не вполне человеческая, и *ipso facto* он не достигает полного счастья (эвдемонии)» [Long 1996: 791].

Действительно, в понимании Аристотеля, только свободный гражданин способен максимально реализовать свое назначение, жить в согласии с добродетелью, быть самоценным – «первым другом самому себе». Не может быть счастливым тот, кто не распоряжается своей жизнью. Аристотель замечает, что «долю и счастье никто не припишет рабу, если не припишет участие в жизни» [Аристотель 1984: 281].

Таким образом, ход рассуждений Аристотеля подводит к мысли о том, что правители, действительно заботящиеся об общем благе, должны признавать и поддерживать право гражданина на счастье, а потому – и на социальную свободу, человечность и справедливость.

Завершая краткий обзор идей Аристотеля о счастье, приведу очень точное, на мой взгляд, указание А. А. Гусейнова на их актуальность. Он пишет: «То обстоятельство, что Аристотель дал содержательный анализ эвдемонии, связав ее а) с государственно-политической и б) с философско-созерцательной деятельностью, не только вписывает его философию морали в этико-культурный контекст эпохи, но одновременно придает ей современное звучание и делает самого Аристотеля в высшей степени актуальным мыслителем. Он актуален не только и не столько своим пониманием этики как учения о добродетелях (этим он был и остается велик и актуален всегда!), сколько тем, что он связал добродетельность личности с социально-содержательными формами деятельности, которые имеют свою собственную логику развития и критерии оценки» [История... 2003: 396–397].

Смысл идей Аристотеля становится понятнее в контексте культуры, неотъемлемой частью которой он является. Представление Аристотеля о том, что назначение полиса есть благая жизнь граждан, выражало не просто идеал древнегреческих народов, создавших и развивавших полисный строй, но и реальные достижения в практической реализации этого идеала, которые стали образцовыми для европейской социально-политической культуры на протяжении тысячелетий вплоть до наших дней. Значение этих идей и достижений кратко охарактеризовал известный отечественный историк-античник В. П. Бузескул в заключении своей книги «Афинская демократия. Общий очерк». Он пишет: «По Аристотелю, всякое государство – продукт естественного процесса, естественного развития, и человек по природе своей – существо политическое. Государство возникает ради потребностей жизни, для достижения самодовлеющего существования. Но этого мало: целью его служит *благая жизнь*; государство создается не только для того, чтобы люди могли жить, но и для того, чтобы они могли жить *счастливо и прекрасно*» [Бузескул 1920: 208]. Автор проводит мысль о том, что создатель афинской демократии – народ Эллады – ждал от государства *«правды и справедливости»*, видя в нем «строителя справедливости». «Грек полагал, – разъясняет В. П. Бузескул, – что если есть правда на земле, если есть нравственные начала, то они должны существовать не только в душе человека: они должны найти выражение в общественных отношениях, в государственном строе» [Там же: 207]. Историческое значение воплощения этих идей автор оценивает следующим образом: «Древняя Греция и в особенности афинская демократия создала учреждения, осуществила многие из тех начал, которые знакомы и дороги современному человечеству, которые служат основами и современного государства» [Там же].

Главными ее практическими достижениями стали следующие: «Она выработала понятие *гражданина*, призвала граждан к участию в суде и правлении, создала суд присяжных. Афинская демократия впервые в истории сознательно и ясно поставила идеалом свободу и равноправие, и свободу не необузданную, не беспорядочную, а в сочетании с законом» [Там же]. Очень показательно, что в завершающих строках книги В. П. Бузескул отдает дань чело-

вечности созданного эллинами общества, то есть тому, что, на мой взгляд, в ценностном отношении поднимается над конкретными достижениями и охватывает их. Он говорит, что афинская демократия имела свои недостатки, на ее счету немало грехов и даже преступлений, она, например, «не отрешилась от рабства», хотя и вносила человечность даже в эти отношения. Но если судить ее с учетом условий того времени, то гуманность ее предстанет очевидной. Автор заканчивает книгу словами: «Вообще, несмотря на некоторые печальные исключения, человечность – одна из наиболее характерных черт афинской демократии, особенно в ее лучшую пору. А по слову поэта, чистая человечность искупает все человеческие недостатки...» [Бузескул 1920: 208].

Созданный греческим полисом и глубоко осмысленный Аристотелем общественный идеал, ставший достоянием европейской, а затем и мировой культуры, содержит комплекс наиболее общих ценностных ориентиров, в котором соединяются идеи счастья, свободы, справедливости и гуманности.

В Новое время эти представления получили широкую поддержку и развитие, оказали непосредственное влияние на формирование идеала общественного устройства, направленного на благо всех людей, реализацию их естественных прав на основе принципов разумности, гуманности, справедливости и свободы, соотносящейся с законом. В эпоху Просвещения, когда в философии становится явным мировоззренческий сдвиг от теоцентризма к антропосоциентризму, ценностный центр в глазах просветителей смещается к ценности развивающегося человечества «в лице каждого» (Кант). Потребность в расширении гуманизации находит выражение в лозунге Великой французской революции «Свобода, равенство, братство», где свобода, как возможность делать все, что не причиняет вреда другим, выдвигается на первый план, равенство отсылает к идее справедливости, а братство – к идее гуманности. В конце XVIII в. идеи справедливости, достоинства и прав человека, счастья и свободы входят в качестве принципов государственного правления в основополагающие документы Франции и США – стран, где произошли наиболее радикальные революционные преобразования и опыт которых для многих других государств служил источником моделей развития.

Следующий этап гуманизации начинается в середине XX в., в ходе установления послевоенного порядка, ориентированного на развитие гуманистических принципов Просвещения. Создается ООН как институт мирового сообщества, и в 1948 г. принимается Всеобщая декларация прав человека, задающая ценностные и правовые ориентиры современному международному порядку. В ней представлена трактовка этих принципов, существенно расширяющая сферу прав и свобод человека. Тем не менее в данной Декларации право на стремление к счастью не включено в число неотъемлемых прав человека, хотя в конституциях ряда стран оно к этому времени уже присутствовало. Вероятнее всего, создатели документа сочли это право проблематичным с точки зрения последствий его законодательного закрепления, поскольку не видели реальных средств, с помощью которых институты международного сообщества могли бы выполнить свои обязательства по обеспечению права на стремление к счастью в современных им условиях.

Только в наше время, как уже упоминалось в начале статьи, в ситуации развития общества знания и рисков, с ним связанных, обострилась необходимость и появилась возможность для того, чтобы институты мирового сообщества поставили задачу рассматривать рост счастья в качестве цели и критерия развития народов. Принципиальный прорыв, связанный с продвижением гуманизации и подъемом на высший уровень целей поддержки права человека на стремление к счастью, стал возможен благодаря ряду объективных и субъективных факторов. Отметим среди них современную научно-технологическую, информационную и промышленную революцию, глобальную интеграцию и кооперацию в различных сферах, рост воздействия гуманистических ценностей, влияния институтов мирового сообщества на политику отдельных стран и их объединений, развитие общества знания.

В частности, сейчас сложились условия, позволившие вести в рамках упоминавшегося проекта ООН работу, результаты которой представляются в ежегодных «Всемирных докладах о счастье». Это долгосрочные междисциплинарные сопоставительные исследования с глобальным охватом, выявляющие, насколько благополучно чувствуют себя люди, насколько они довольны своей жизнью в целом, каковы факторы и динамика их благополучия.

Судя по «Всемирным докладам о счастье», исследователи опираются на комплексное философское понимание счастья, как оно развивается в том направлении мысли, которое было задано Аристотелем. Мне представляется ключевым в этой работе, что разработчики программы смогли взять за точку отсчета, определяющую значимость других параметров благополучия, то, насколько сам человек доволен течением своей жизни и оценивает ее, соотнося с собственным представлением о совершенной жизни, своим идеалом. Тем самым учитывается глубинная, личностно-творческая составная счастья, которую Аристотель характеризовал как деятельность души в соответствии с добродетелями. Такой подход представляется весьма плодотворным. Он дает возможность в практическом плане избегать навязывания стандартов благополучия, популяризации «насиленно осчастливить» со стороны общественных субъектов принятия решений, определять реальные потребности и мотивы людей в их стремлении к счастью. В теоретическом плане он позволяет исследовать, используя философские идеи и современный научно-технологический потенциал многих областей знания, содержание счастья, соотношение его компонентов и факторов в динамике, в зависимости от социокультурных особенностей жизни народов, сообществ и индивидов, прослеживать изменения в ценностных предпочтениях, возникающих по мере роста благополучия.

В целом эти исследования подтверждают действенность классического философского понимания счастья, восходящего к Аристотелю. Счастье, будучи интегративной характеристикой человеческой жизни, определяется множеством внутренних и внешних параметров личного существования с меняющимся «ценностным весом», включает в себя уникальное личностное творчество и целостную, соотношенную с идеалом, субъективную оценку жизни, как рациональную, так и эмоциональную. Такое счастье не дается извне, а создается каждым человеком, совершенствующим себя и строящим свою жизнь, однако во власти других людей и общественных институтов создание благоприятных для счастья условий, содействующих реализации принципов справедливости гуманности и социальной свободы. Именно это и предполагается, когда речь идет об общественно-политическом признании права человека на стремление к счастью, о содействии росту счастья как цели и критерия общественного прогресса.

Литература

- Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1975.
- Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1984.
- Аристотель. Евдемова этика. М. : ИФ РАН, 2005.
- Бузескул В. П. Афинская демократия: Общий очерк. Харьков : Союз, 1920.
- Гусейнов А. А. Этические сочинения и этическая система Аристотеля / Аристотель // Евдемова этика. М. : ИФ РАН, 2005. С. 382–407.
- История этических учений: учебник / под ред. А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2003.
- К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО 2005 г. Париж : Изд-во ЮНЕСКО, 2005.
- Кант И. Критика практического разума. СПб. : Наука, 1995.
- Платонов-Поляков Р. С. Бытие к счастью: эвдемония в этике Аристотеля // Этическая мысль. 2015. № 15. С. 70–90.
- Санжениаков А. А. К вопросу о статусе внешних благ в этике Аристотеля // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 2. С. 150–163.
- Столяров А. А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лютера. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999.
- Счастье: целостный подход к развитию. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН. 65/309. 109-е пленарное заседание, 19 июля 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <https://daccess-ods.un.org/TMP/6589497.32780457.html> (дата обращения: 07.04.17).
- Long R. Aristotle's Conception of Freedom // Review of Metaphysics. 1996. V. 49. No. 4. Pp. 775–802.
- The Constitution of the Kingdom of Bhutan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nab.gov.bt/assets/templates/images/constitution-of-bhutan-2008.pdf> (дата обращения: 08.02.17).
- World Happiness Report 2017 / ed. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs. New York : Sustainable Development Solutions Network, 2017.